

**Валерий
ШАРАПОВ**

**СЕКРЕТНАЯ
ЧАСТЬ**

ЭТИ ТАЙНЫ СТОЯТ ТОГО, ЧТОБЫ ЗА НИХ УМИРАЛИ

Валерий Георгиевич Шарапов
Секретная часть

© Шарапов В., 2023

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Валерий ШАРАПОВ

**СЕКРЕТНАЯ
ЧАСТЬ**

Москва
2023

Глава первая

Сигнал тревоги из поселка Шаврино поступил в пять утра. Предраассветная серость сочилась сквозь тюлевые шторы. В прихожей надрывался телефон.

Настя застонала, натянула одеяло на голову, одновременно отползая подальше от мужа. Событие не регулярное, но... случилось.

Выражаясь сквозь зубы, Михаил сполз с постели, побрел в коридор, плотно прикрыл за собой дверь. Валюша проснуться не должна, детская комната – за тремя дверями.

– Михаил Андреевич? – заговорила трубка. – Это Щедрин, дежурный по управлению. Прошу прощения за ранний звонок. С нами связался старший лейтенант Никитин. Это сотрудник «семерки», осуществляет наблюдение за домом Лавровского. Никитин взволнован, ему кажется, что во дворе дома труп...

– Кажется? – прохрипел Кольцов, прилагая усилия, чтобы проснуться. – Креститься не пробовал? Пять утра, Щедрин, какие трупы?

– Похоже, все серьезно, товарищ майор, – настаивал дежурный. – Нужно выезжать. Вы сами просили сообщать, когда появится любая информация. Водитель собирает по городу ваших людей. За вами заедут минут через десять. Еще раз примите извинения.

К черту извинения от тех, кто и так не спит! Не любил Кольцов сюрпризы в темное время суток. Днем они ему тоже не нравились, но ночью – особенно. Каша в голове, на ум приходят лишь бранные обороты.

Он быстро почистил зубы, сполоснул лицо. Воду с заваркой перемешивал уже во рту – опыт наработал.

– Снова на фронт? – прошептала Настя, высовывая нос из-под одеяла.

– Да, враги уже в городе... – шутка вышла корявой, но не в том он был настроении, чтобы шутить удачно. Одевался как новобранец,

скрипели дверцы шкафов. Назад уже не вернуться, скоро утро: придется ехать на работу. Нагнулся к кровати, поцеловал теплый нос. Настя застонала, выпуталась из-под одеяла, обняла его за шею.

«И куда я собрался?» – мелькнула предательская мысль.

– Все, родная, пока. Буду поздно, пьяный, возможно, не один... – шутка давно вошла в обиход.

«Лишь бы был», – обычно отзывалась Настя.

Пользоваться лифтом по ночам, особенно без нужды, майор не любил – ненадежный вид транспорта. Он скатился по лестнице, застегивая плащ. Утро было теплым, практически летним – хотя до календарного лета 1982 года оставалось две недели.

«Волга» с антенной уже ждала у подъезда. Водитель был незнакомый, троица же за его спиной давно плешь проела. Субординацию соблюдали – оставили начальнику место рядом с водителем. Михаил плюхнулся на сиденье, захлопнул дверь. Водитель решительно помчался со двора, огибая препятствия.

– Здравия желаем, товарищ майор, – бросил с заднего сиденья Алексей Швец.

– И вам здоровья, – буркнул Михаил, гнездясь удобнее. Приоткрыл свое окно, достал сигарету. Для полного пробуждения оставалось покурить. Спал сегодня как младенец – провалился в яму, едва коснулся подушки. Такое ощущение, будто Настя что-то подсыпала в чай. И пробуждение было мучительным.

Он дымил, косясь на мелькающие за окном городские пейзажи.

– Не страшно, товарищ майор, подумаешь, полтора часа недоспали, – сказал Вадим Москвин – самый юный в группе, – бывало хуже – сутками не спали. Я вот как чувствовал, лег пораньше, делать все равно было нечего.

– Ребята, вы так хорошо молчали, – бросил Михаил. – Может, продолжим?

Глухо засмеялся капитан Вишневский – статный, темноволосый, отрастивший баки – вроде как дань моде. Обиженно засопел

Москвин. Завозился Алексей Шве́ц – тоже доставал сигареты, дурной пример заразителен.

За окном мелькали пустые улицы столицы. Рассвет набухал, но Москва еще спала. Иногда встречались машины, появлялись одинокие прохожие. Проехал пустой трамвай, растаял в дымке как призрак.

Водитель поднажал – ничто не мешало. Напрягся инспектор ГАИ, вышел на обочину, но разглядел номера, вернулся на место. С фасада Дома культуры на улице Черняховского смотрела «святая троица» – Ленин, Маркс и Энгельс. Поперек дороги висел огромный транспарант: «Решения XXVI съезда КПСС – в жизнь!» Со времени знаменательного события прошло больше года, полотнище выцвело.

За кольцевой водитель свернул на Рублево-Успенское шоссе. Оно вело в Звенигород, отстоящий от столицы на тридцать километров. Мелькали перелески, поселки. Место было непростое. Вдоль шоссе традиционно селились представители элит – начиная еще с Владимира Ильича. Здесь находились санатории Совета министров СССР, дачи партийных и советских руководителей, руководства вооруженными силами, КГБ, прокуратуры, прочих небожителей. Здесь любил гонять на машине Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев. Езда с ветерком была его страстью. Выгонял из машины водителя, сам садился за руль и мчал на полной скорости. Бедняги из Девятого управления, охраняющие генсека, сходили с ума от страха. Трассу в меру возможностей расчищали, гаишники метались как угорелые, перекрывали въезды на дорогу. Сотрудники «девятки» пытались угнаться за шефом, но такими скоростями не владели. Леонид Ильич всегда уходил от погони, а потом весь день находился в приподнятом настроении – в отличие от своих охранников, имеющих бледный вид...

Рассвет неумолимо приближался. Дорога была пустая. «Секретные» объекты за высокими заборами чередовались перелесками. Водитель снизил скорость, всматривался в указатели. В свете фар мелькнуло название «Шаврино». За знаком,

означающим конец населенного пункта, машина съехала на проселочную дорогу. Дачный поселок располагался в стороне. Потянулся березняк, в прорехах листвы обозначилось озеро.

– Что молчите? – Михаил повернулся к товарищам. – Спим, бойцы?

– Вас не поймешь, товарищ майор, – проворчал Вишневский, – то заткнитесь, то «что молчите». Вы уж определитесь.

– Ладно, отставить режим тишины. Кто-нибудь знает, что произошло?

– Нас там не было, – огрызнулся Швец. – Парень из «семерки» с вечера висел у Лавровского на хвосте. В городской квартире семья уже не живет – зима кончилась, переехали на дачу. Чего им тут не жить? Просторно, красиво, расширенная жилплощадь, те же отопление и водоснабжение с канализацией. Лавровских двое – муж и жена. Обоих личные водители увозят и привозят. Сын имеется, но давно выпорхнул из семейного гнезда. В общем, вечером сотрудник довел Лавровского до дома, поставил машину в кустах, на обочине. Супруга уже приехала. Водитель высадил фигуранта, развернулся и убыл. Посторонних не было, только он и она. Сотрудник слышал разговоры, музыка играла. Потом супруга решила искупаться в бассейне...

– Где? – вздрогнул Кольцов.

– Вы не ослышались. У них бассейн рядом с домом. Красиво жить не запретишь. Борис Михайлович и не такое может себе позволить. Прохладно, конечно, еще не лето, но у них бассейн с подогревом, представляете?

– А ты откуда знаешь? – удивился Москвин.

– От верблюда, – отрезал Швец. – В отличие от некоторых, собираю информацию в полном объеме. Сам Лавровский в воду не полез, а вот Лариса Владимировна купалась. Барышня она закаленная, спортивная, несмотря на возраст. Говорят, что и зимой морзует, из проруби не выгонишь... В общем, что-то произошло. Барышня купалась, потом тихо стало. А свет у бассейна остался и всю

ночь горел. Забор сплошной, но пространство освещено, все понятно. Наш сотрудник значения не придал – может, намеренно его оставляют, чтобы злоумышленников отгонять. Все ночь в машине просидел, божится, что не спал. В половине пятого тревожно, говорит, стало, прошелся вдоль дороги. Округа спит, темно, только этот свет у бассейна... Щель в заборе нашел, смотрит – в бассейне что-то на воде лежит, похоже на тело. А там особо не развернешься, щель узкая...

– Может, выбросили что? – предположил Москвин.

– Ага, фуфайку. В общем, это все, что рассказал дежурный. Будем надеяться, что тревога ложная. Но ребята из 7-го управления, в принципе, с головой дружат...

Настроение портилось. За березовым леском начинался поселок. Видимо, важный объект – будка со шлагбаумом, зевающий сторож. Поперхнулся, увидев корки, быстро заработал подъемный механизм...

Дорога расширилась. Проезды на дачах не часто укатывали в асфальт, но здесь укатали аж толстым слоем. Слева за обочиной – лес. Справа – глухие заборы в полтора человеческого роста, узкие переулки. За оградами – вполне приличные особняки со всеми удобствами. Советские люди жили хорошо. К сожалению, не все.

Борис Михайлович Лавровский занимал ответственную должность в Министерстве среднего машиностроения. Под неброским названием скрывалась огромная и значимая структура – центральный орган государственного управления, отвечающий за атомную отрасль промышленности и производство ядерных боезарядов. Именно за последнее направление отвечал товарищ Лавровский, возглавляя в министерстве отдел контроля над проектными институтами, разрабатывающими конструкции боеголовок.

Борис Михайлович имел доступ к любым документам и материалам по данной тематике. Выписка из личного дела

характеризовала его как грамотного специалиста, блестящего организатора и исполнителя, беззаветно преданного делу партии.

Лавровского взяли в разработку неделю назад. Его раскрыл агент в Лэнгли, работающий под прикрытием. Разведчику пришлось постараться. Информация о подобных персонах, мягко говоря, не была в открытом доступе. К сожалению, всю сеть он раскрыть не мог – и так рисковал. Лавровского пока не брали, отслеживали связи и контакты, прослушивали телефонные разговоры. Информация подтверждалась, но железных доказательств пока не было. Имела место подозрительная встреча в парке Горького, впрочем, контакт с женщиной был недолгим, Лавровский ей что-то передал, после чего особа прыгнула в трамвай, а работники наружки развели руками: дама казалась не из тех, что ездят на трамваях...

Дом на участке в пятнадцать соток считался дачей, а отнюдь не загородной виллой. Рослый дощатый забор окружал территорию. Второй этаж большого дома, в принципе, просматривался, но для этого требовалось отойти и хорошенько подпрыгнуть.

Округа еще спала. Бледный свет растекался по пространству. Водитель пристроил машину за деревьями на левой стороне, пассажиры покинули салон. Здесь даже дышалось иначе, чем в Москве: свежий воздух насыщали ароматы трав и хвои. Закружилась голова. Сотрудники потянулись к забору. От «Жигулей», припрятанных за кустами, отделилась фигура, заспешила наперерез. Молодое лицо с налетом щетины. Служба работала сутками, на личную гигиену времени не было.

– Здравия желаю, товарищ майор. Никитин моя фамилия... – голос сотрудника подрагивал от волнения, – старший лейтенант Никитин Олег Петрович, подчиняюсь майору Шилову...

– Излагай, Олег Петрович, что у тебя тут случилось.

Обычная практика: разрабатывали фигурантов сотрудники одного управления, наблюдение вели другие (специально обученные). И нередко такая практика давала сбои, вызывала неразбериху.

– Все штатно было, товарищ майор... Довел объект до дома, расположился в кустах. Он слезку не заметил, можете поверить, не первый день работаю. К Лавровским никто не приходил. Жена приехала еще до нас. Слышал, как говорили, но суть разговора не уловил. Музыка играла, потом мясо жарили. Женщина спросила, не хочет ли муж искупаться, тот ответил, что еще не выжил из ума. Она посмеялась. Оба ушли, тихо стало. Я в машине сидел, окно было открыто, слышимость отличная... Долго сидел. Вышел, прошелся туда-сюда, снова сел. Кто-то дом покинул – дверь хлопнула. Свет во дворе загорелся – там лампочка бассейн освещает. Слышу – плеск, плавает кто-то. Но никаких разговоров, тишина, видимо, Лариса Владимировна одна вышла освежиться перед сном... Потом прекратила плескаться, я решил, что ушла. Свет остался, но мало ли...

– В котором часу это было?

– Около одиннадцати, – без запинки отчитался старший лейтенант. – Без двух или без трех минут – я как раз на часы посмотрел. Всю ночь просидел в машине. К утру неуютно как-то стало, сделал кружок. Вдоль забора погулял, щель нашел. Не стал бы тревогу поднимать, товарищ майор, но сами посмотрите...

– Показывай, Олег Петрович, свой глазок.

Щель находилась в метре от калитки и не превышала трех миллиметров. Странное чувство возникло: подглядываем, как подростки за голой бабой.

Просматривался узкий фрагмент здания, угол крыльца, часть бассейна, выложенного кафельной плиткой. Свет действительно горел – лампа под навесом освещала не только вход в дом, но и часть бассейна. На воде что-то лежало. Михаил всматривался, напрягал глаза. Похоже на тело с разведенными конечностями. Точно не фуфайка.

На звонок никто не отозвался. Позвонили еще. В урезанной картинке ничего не менялось.

«Сразу надо было брать, – мелькнула тоскливая мысль. – Но на каком основании? Волна могла пойти – объект ведь не в пельменной работал...»

– Вскрываюте.

Замок поддался через полминуты. Повозились со щеколдой, но и она сдалась. Водитель остался в машине, получив указание связаться с управлением. Сотрудники просочились на территорию, рассеялись. Двое обогнули бассейн, прошли через беседку и флигель, примыкающий к боковой ограде. Остальные прямо – мимо стриженных кустов, по дорожке, устланной тротуарной плиткой.

Особняк молчал. Силуэты собравшихся у бассейна бледно очерчивались в полумраке. Непроизвольно потянулись к оружию.

– Мать честная, – пробормотал Никитин, – ну, я так и знал...

В средней части бассейна лицом вниз лежала женщина в закрытом черном купальнике. Конечности были разбросаны в стороны.

Зрители угрюмо молчали. Неясное чувство подсказывало, что спешить уже некуда. У покойницы была неплохая фигура, хотя могла быть и лучше. Наверное, и была – лет пятнадцать назад.

– Майская ночь и утопленница, – недоверчиво прошептал Вадик Москвин. – А она... точно мертвая?

– Нет, притворяется, – огрызнулся Вишневский, с усилием отводя глаза. К женскому полу Григорий относился положительно, но предпочитал живых.

– Нервы как? – Михаил повернулся к Швецу.

– Нормальные, рабочие, – Алексей пожал плечами.

– Тогда неси багор – вон лежит, подцепи тело и переверни.

С поставленной задачей справились. Багор служил для уборки мусора из бассейна. Тело подтянули в четыре руки – Никитин помогал – перевернули. Явные признаки насильственной смерти отсутствовали, за исключением подозрительной сины на шее. Глаза покойницы были открыты, плавали в воде черные, как смоль,

волосы – явно крашенные. Ей было далеко за сорок, но спортивную форму дама не растеряла. Приятное лицо исказила судорога.

«Ну все, – тоскливо подумал Михаил, – пошла жара в баню...»

Лариса Владимировна Лавровская работала в Агентстве печати «Новости» одним из заместителей директора и попутно возглавляла отдел, славящий достижения сельских тружеников. Ларису Владимировну ценили, она имела заслуги, пользовалась влиянием в партийных кругах. Посвящал ли ее муж в свои дела – вопрос интересный.

– Эх, незадача... – посетовал Швец. – Ладно, назад не отмотаешь...

– Ей не холодно было? – прошептал Вадик Москвин, отрывая взгляд от тела.

Григорий опустил на корточки, потрогал воду.

– Теплая, мы так и думали. Во живут люди...

Попятился старший лейтенант Никитин, запнулся о лавочку, на которой лежал свернутый халат, плюхнулся. Ему крупно не повезло. Он не мог повлиять на ситуацию, но на роль крайнего вполне годился.

– Она не утонула, – вкрадчиво проговорил Вадик Москвин, – иначе на дно бы ушла. Ее убили, товарищ майор, задушили, как пить дать... Искупалась, из бассейна стала выходить, в этот момент напали и задушили. Потом в воду столкнули. Плавает, потому что в легких воздух остался...

– Неужели? – пробормотал Кольцов. – Спасибо за урок физики. Никитин, ты слышал крики? – Михаил повернулся к «топтуну». – Москвин прав: женщину задушили в тот момент, когда она вылезала из бассейна. Или стояла рядом с бассейном. Должна была среагировать, хотя бы крикнуть.

– Не слышал, товарищ майор, – помотал головой Никитин. – Неужели не поднял бы тревогу? Могли напасть внезапно, схватить за горло, и все.

Могло быть и так, следствие установит... Взгляд скользил по зашторенным окнам первого этажа. Эх, Борис Михайлович...

На ум пришла нелепая детская считалка: «А в каморке жил Борис, председатель дохлых крыс. А его жена Лариса...»

Мертвое тело покачивалось на воде, растревоженной багром. Смешно...

В дом входили аккуратно, достав оружие. Мутный свет проникал сквозь окна, разливался по холлу. Некоторые категории советских граждан жили действительно неплохо... Гостиная – мягкая мебель, явно не из отечественного магазина, роскошный ковер на полу, вызывающий инстинктивное желание разуться. Справа кухонный гарнитур, обеденная зона. Слева – лестница на второй этаж, какие-то двери. Москвин и Швец устремились наверх. Старший лейтенант Никитин обогнул лестницу, растворился в слепой зоне. Вишневский исчез в проеме за обеденным столом.

Мелькнуло в голове: «За этим столом хоть многодетную узбекскую семью корми...»

Михаил остался один, всмотрелся в полумрак. Прошел в конец холла – мимо дивана, обитого натуральной кожей, мимо помпезного камина, законсервированного на лето, подошел к задней двери, отогнул штору. Взгляду открылся задний двор, беседка, мангал для жарки мяса, далее – высокий забор. Дверь была заперта примитивным замком – со скошенным языком на пружине. Такие открывались несложно – шилом и вязальным крючком.

Он вздрогнул, резко обернулся – из проема рядом с лестницей вывалился взволнованный Никитин.

– Товарищ майор, сюда... – голос подрагивал, ломался. Оргвыводы, похоже, напрашивались сами. И доказывай потом, что тебя поставили наблюдать, а не стеречь... Спальня (по крайней мере, хозяйская) находилась именно здесь, за коротким коридором. Кубатура – умеренная, зачем много пространства для сна? Рассеянный свет фонаря блуждал по предметам обстановки. Шторы задернуты, рябил в углу цветной телевизор. Выключить технику оказалось некому. Двухспальная постель была смята. Между кроватью и порогом, на коврике ручной работы, лежало еще одно тело.

Все логично, труп принадлежал Борису Михайловичу Лавровскому, важному лицу в Министерстве среднего машиностроения.

Никитин застыл в оцепенении, дрожал фонарик. Слов не было – одни эмоции. Михаил опустился на корточки. За спиной раздался топот – вбежали подчиненные.

– Ух ты! – расстроено выдохнул Гриша Вишневский.

Труп остыл, но процесс разложения еще не начался, за исключением пары синих пятен на скулах. Крепкий мужчина лет пятидесяти, одетый в махровый халат, лежал навзничь, раскинув руки. В мутных глазах виднелось изумление. Похоже, использовали глушитель. Халат на груди распахнут, темнеет пятно. Кровь впиталась в коврик, засохла, безнадежно испортив дорогую вещь.

Тишина стояла как в морге по завершении дня. Результаты недельной работы пошли коту под хвост. Впрочем, не привыкать.

– Выходим, нечего тут топтаться, – буркнул Михаил. – Григорий, вызывай опергруппу.

К приезду оперов Кольцов сидел на лавочке у бассейна, курил и отрешенно смотрел на покойницу. Рассвело, утро было ясным, безветренным. Пятно на шее потерпевшей потемнело, причина смерти вопросов не вызывала.

Пожилой эксперт, носящий очки в старомодной оправе, был смутно знаком. Нечасто встретишь такое интеллигентное лицо, даже в их среде. Эксперт кивнул – значит, и майор из комитета ему тоже кого-то напомнил. Оперативники не задавали лишних вопросов. Одни ушли в спальню, другие колдовали у бассейна.

Тело извлекли из воды, положили на кафельный пол.

– Асфиксия, – заявил криминалист. – Душили руками, значит, убийца не доходяга и не женщина.

Никитин настаивал – криков он не слышал. Привычки спать на посту не имеет.

– Значит, тихо кричала или вовсе не кричала. Могла и не кричать, – допустил криминалист. – Поздно заметила нападение, пальцы сдавили горло, осталось только трепыхаться.

Признаков борьбы не нашли, разве что соломенный коврик для шлепанцев лежал как-то криво.

– Вспомни, Олег Петрович, – допытывался майор. – Могло быть такое – в доме к приезду Лавровского уже находился кто-то третий? Может, Лариса Владимировна кого-то пригласила? Ты не мог об этом знать, потому что вел Лавровского.

– Только в теории, товарищ майор... – Никитин усердно тер лоб, – Нет, глупость, – он решительно покачал головой. – Прошу прощения. Посторонней машины во дворе не было, никто не выезжал. Лариса Владимировна могла кого-то привезти на своей машине, но где он? Я слышал только голоса двоих, третьего не было. Такой скромный и молчаливый?

– Ну да, не сходится, – согласился Кольцов. – Давай все заново. Никитин, вот ты поставил машину на обочине...

Криминалисты докладывали: заднюю дверь отмычкой не вскрывали, замок в порядке – и вообще, не похоже, что ей пользовались. Эксперты снимали отпечатки – с косяков, дверных ручек, но явно для галочки: работал не дурак. Время смерти членов семьи специалист определил примерно: с десяти до двенадцати вечера. Точнее будет позднее.

Это укладывалось в показания Никитина. Охрана поселка была формальной – видимо, гром еще не гремел и мужик не крестился. Будка с вахтером в двухстах метрах от въезда в поселок. Посторонних не впускали. Своих знали, а если не знали, граждане предъявляли документы. Никитину хватило служебного удостоверения для беспрепятственного проезда. Пешие проходили свободно – тем же лесом. У каждого жильца был номер вневедомственной охраны, а дома оснащались стационарными телефонами. В случае тревоги группа из Шаврино прибывала в течение трех минут.

Работа с соседями тоже не принесла результата. Бойцы невидимого фронта убыли опрашивать граждан, вернулись через полчаса с кислыми минами.

– Дом слева пустует, товарищ майор, – отчитался Москвин. – Московские хозяева еще не вселились. Дом закрыт, ворота на замке, клумбы во дворе в плачевном виде. Явно необитаемая территория. С обратной стороны – только горничная, уходящая на ночь в Шаврино. Наводит порядок, что-то поливает. Надменная особа, но напряглась, когда увидела наши документы. Хозяин – холостяк, иногда привозит женщин – не самых твердых моральных устоев. Имеет квартиру в Москве, но с середины апреля начал пользоваться загородным домом... Прошу прощения, товарищ майор, язык не повернется назвать его дворец дачей. Вчера приехал один, около девяти вечера, был расстроен, нагрубил горничной и через час снова умотал.

– То есть алиби у человека нет, – предположил Михаил.

– Алиби нет, – подтвердил Москвин. – Но есть депутатский значок. Это же лучше, чем алиби?

Вишневский было засмеялся, но тут же смутился, сделал серьезное лицо.

– Лучше, – кивнул Кольцов. – И где же этот товарищ депутатствует? Надеюсь, не в Верховном Совете?

– Московский совет народных депутатов. Товарищ Тандыкин – член правления Союза художников, имеет правительственные награды и заседает в Моссовете уже два срока. Заслуженная, кстати, личность, номинант на звание народного художника СССР. Но я его почему-то не знаю, – сконфуженно добавил Москвин, – Айвазовского знаю, Верещагина знаю, даже Ге знаю – странная фамилия, правда? А вот Тандыкина...

«Художник – от слова «худо», – подумал Кольцов. – Или от другого – близкого по смыслу».

Расследование упиралось в тупик. Формальности соблюли, тела погрузили на носилки и унесли в прибывшую санитарную машину.

Обогнув участок, опера обнаружили на задней стороне кое-что интересное.

– Пойдемте, товарищ майор, вы это оцените, – предложил оперативник средних лет в звании капитана.

Между участками были узкие проулки для пешеходов. К заборам на задворках примыкала тропа, далее начинались посадки, за которыми голубел пруд. Крякали утки. Недалеко от ограды Лавровских валялась внушительная коряга.

– Эта штука ночью была прислонена к забору, – сообщил наблюдательный оперативник. – Мы провели небольшой эксперимент. Смотрите... – он поднял корягу, приставил к забору, ее конец углубился в ямку. – Вот так установили, забрались – край коряги вдавился в почву. Подаетесь вверх, хватаетесь за гребень забора – и спокойно перелезаете. И уходил наш гость тем же путем – с обратной стороны придвинул к забору урну от беседки. Спрыгнул, отбросил корягу, чтобы не давать нам подсказок... Ждем кинолога, товарищ майор. Но должен предупредить, это вряд ли поможет. Преступник не мог прийти пешком – оставил машину где-то в лесу, не доезжая вахтера, а сюда пришел, прикрываясь посадками и лесополосой...

– К бабке не ходи, товарищ майор, – заключил Швец, когда они вернулись к бассейну. – Преступной деятельностью Лавровский занимался не один. Сообщники, кураторы из американского посольства... Всполошились, когда мы сели ему на хвост и решили ликвидировать, чтобы всех не сдал. Убийца был наемный, профессионал, так сказать. Он тоже следил за домом, знал про Никитина, поэтому и зашел с тыла. Перелез с обратной стороны, спрыгнул. Заднюю дверь не стал использовать, пробежал по дорожке вдоль дома, зашел от бассейна. Риск, что Никитин припадет к щели, был невелик. Дождался, пока Лариса Владимировна стала вылезать из бассейна, налетел на нее, задушил – та и не пикнула. Стрелять не рискнул – хлопок Никитин мог услышать. Опустил тело в воду, поднялся на крыльцо. Вошел в спальню, ликвидировал Лавровского. На обратном пути мог воспользоваться задней дверью – открыл изнутри и потом

захлопнул за собой. Придвинул урну, залез на забор, спрыгнул. Корягу отбросил – и в кусты. А Никитин всю ночь куковал, пока под утро что-то его не торкнуло. Нормальная версия, Михаил Андреевич?

– Как скажешь, – пожал плечами Кольцов, – другой пока нет.

Впавшего в уныние сотрудника 7-го управления отпустили домой – свою задачу он выполнил («И перевыполнил», – мрачно пошутил Вишневский.) Никитин уходил раздавленный, сгибаясь под грузом вины.

Остальным пришлось задержаться – прибежал водитель, сообщил приятную новость: едет полковник Рылеев. В машине имелась система беспроводной телефонной связи. Нужды в этом визите не было, но всякое начальство имеет вредную привычку: держать руку на пульсе (или считать, что держит).

Настроение окончательно испортилось. Сотрудники расползлись, делая вид, что проводят следственно-розыскные мероприятия. Встречать руководство пришлось одному Кольцову.

Полковник Рылеев был хмур и раздражен, озирался исподлобья. «Все интересное» уже увезли. О неприятном событии напоминала лишь засохшая кровь на коврике в спальне.

– Ликуй, Кольцов, сегодня гора идет к Магомету, – проворчал полковник. – Есть сведения, что ты сел в лужу и мы потеряли единственную ниточку, ведущую к шпионской сети. Повествуй, не стесняйся.

– Вы же знаете, товарищ полковник, – не растерялся Кольцов, – я не любитель перекладывать свою вину на других. Но давайте все-таки зададим вопросы и 7-му управлению? Им следовало отправить двоих, обязав обходить территорию. Наличие шпионской сети – пока гипотеза. Данные имелись только на Лавровского. Избавиться от него могли иностранные кураторы, которым он передавал сведения. Не хотят они быть высланными из Москвы, любят этот город. Это не какие-нибудь вшивые Лондон с Нью-Йорком...

– Кольцов, не паясничай, – поморщился начальник подразделения «Х». – Распустились вы тут. К делу давай.

– Виноват, товарищ полковник. Наша вина, безусловно, есть. Подобный вариант не просчитывался. Теперь все ниточки оборваны. Будем отслеживать связи Лавровского – на работе и дома.

– Ладно, пошли в дом, – проворчал полковник. – Рассказывай, что произошло и каковы соображения.

На экскурсию ушло пятнадцать минут. Рылеев был мрачен, что-то мотал на ус. Версию для коллег и прессы предстояло выдумывать комитету. Ни слова о возможном нарушении закона. Вторглись грабители – и «нелепая смерть вырвала из наших рядов...» Суда над Лавровским уже не будет, а только суд может назвать человека виновным.

Прибежал знакомый опер, сообщил последние известия. Из города привезли кинолога с собакой. Овчарка взяла след, но остановилась в мелководной речушке, впадающей в озеро, пометалась и села с виноватой мордой. А на что еще рассчитывали? Лавровских посетил явно не дилетант.

Дом опечатали, опломбировали замок на калитке. Сотрудники потянулись к дороге, закуривали. Пассажиры проезжающих мимо авто с любопытством косились на чужаков. Разглядев номера на служебной «Волге», давали по газам.

У соседнего участка остановился светло-серый «Мерседес» – машина редкая. На подобной рассекал по Москве Владимир Высоцкий, но ему простительно. Из салона выглядывал тяжелый субъект с массивной челюстью – очевидно, народный и заслуженный. Ворошить болото не имело смысла, и без того потеряли время.

– Сочувствую, майор. – Рылеев щелчком отбросил окурочок. – Но ошибки надо исправлять. Работай, проведи этот день с пользой. И еще. – Полковник сделал паузу, испытующе глянул на подчиненного. – Завтра в девять утра будь как штык в моем кабинете. Не забудь подготовить отчет о проделанной работе.

– Нечего готовить, товарищ полковник, – смутился Кольцов. – Достижения скромные. Сегодняшний день ситуацию не изменит – давайте смотреть правде в глаза.

– Приготовь все что есть, – отрезал полковник. – Освежи материал в голове. В девять утра, понял? – в глазах начальства мелькнуло что-то загадочное.

Он развернулся и зашагал к машине, оставив подчиненного теряться в догадках.

Глава вторая

За пределами населенного пункта Михаил приказал водителю остановиться. Тот сдал к обочине, выключил двигатель. Парень был не любопытный, знал свою работу, остальное его не касалось. Члены группы промолчали, только Москвин затыкнул под нос: «Луга налево, луга направо...» Мозговые клетки уже дымились от усердной работы.

Михаил очнулся, стал выбираться из машины:

– Перекур десять минут. Не разбредаться.

Никто не возражал, дополнительные перекуры только способствовали продуктивной работе. В машине остался один водитель, он откинул голову на спинку сиденья и задремал.

Бескрайние поля простирались до горизонта, зеленели перелески. В ясном небе металась зигзагами стрижи. Место было славным, хотя... и ничего особенного. Заурядный пейзаж средней полосы. Освежающий ветерок прочистил голову, выдул из нее все лишнее. Ботинки провалились в густую траву. Майор брел, погруженный в свои мысли, потом сменил направление, побрел обратно, закурил. Вернулся к машине через несколько минут, проводил глазами гроыхающий самосвал. Подчиненные активно использовали свободное время: Швец дымил, привалившись к багажнику машины, остальные нежились в траве.

– Подъем, золотая рота. Лежать и ничего не делать будем на кладбище.

– Едем дальше, товарищ майор? – Москвин привстал, стряхнул с куртки прилипшие травинки.

– Хорошо здесь, – мечтательно вздохнул Вишневский. – Уеду когда-нибудь в деревню, заведу гусей, женюсь на доярке...

– Тут и сказке конец, – засмеялся Швец. – Ты, Григорий, городское дитя. Такие в сельской местности не требуются.

– Мозги отдохнули? – строго спросил Кольцов. – Способны совершать элементарные операции? Тогда слушайте и, если

я ошибусь, поправляйте. Вас ничто не смущает? Вижу по лицам, что нет. Пусть начальник думает, у него голова квадратная. Кому выгодно, чтобы Лавровский замолчал? Тому, кого он мог сдать. И это могут быть не только иностранные дипломаты, но и советские граждане. Иностранцы как раз легко отделаются. Значит, были подельники, Борис Михайлович их знал, имел с ними дела. Интуиция подсказывает, что он мог рассказать такое...

– Разрешите перебить, товарищ майор? – сказал Шве́ц. – Это понятно. Не ясно другое. Глупцом себя не считаю, но не могу взять в толк, почему Лавровская не кричала, когда ее стали душить. Не верю в стремительное развитие событий. Напасть на нее могли лишь в тот момент, когда она вышла из бассейна. До угла – приличное расстояние. До другого, кстати, тоже. Стремглав не подбежишь. Могла, конечно, отвернуться...

– Или знала того, кто к ней подошел, – добавил Вишне́вский, перехватил укори́зненный взгляд майора и смутился, – это так, в качестве бредовой версии...

– Муж, например, – кивнул Михаил, – задушил жену, потом вернулся в спальню, выстрелил себе в сердце, после чего припрятал пистолет... Не огорчай меня, Григорий, а то в звании понижу.

– Куда уж ниже... – Вишне́вский сокрушенно вздохнул.

– С чего мы все взяли, что Лавровская не кричала? – Михаил обвел глазами подчиненных. Шве́ц задумался, начал о чем-то догадываться, остальным момент прозрения еще предстоял.

– Кричала? – встрепенулся Москвин. – А глуховатый товарищ в «Жигулях» ее просто не слышал?

Кольцов промолчал, выдерживая паузу.

– Да ну, – с сомнением заметил Шве́ц. – Версия, конечно, имеет право на существование, но уж больно завиральная... без обид, товарищ майор.

– Еще раз все разложим, – продолжал Михаил. – Итак, прибывает убийца, получивший заказ на устранение Лавровского. Действует обученный человек – в этом никто не сомневается. Прибывает

пешком, оставив машину где-то неподалеку. Он не только обученный, но и осведомленный – знает о присутствии нашего сотрудника. Поэтому заходить с главного входа ему не с руки. Тем более калитка заперта. Но это не проблема, он заходит с тыла, перелезает через забор, используя подвернувшуюся корягу. Лучший способ – войти в дом с черного хода. Дверь перед глазами, замок – тьфу. Вошел, сделал дело и вышел – никаких свидетелей. То, что в бассейне купается Лариса Владимировна, он знать не может. Как он может это знать? Бассейн на другой стороне, стены не прозрачные, а подсмотреть с фронта он не мог – ввиду наличия Никитина. Тем не менее злоумышленник игнорирует здравый смысл, читай – черный ход, и тащится по дорожке вдоль дома на другую сторону.

– Зачем вообще убивать Лавровскую, если цель – муж? – спросил Вишневский. – Пусть он и знал, что Лариса в бассейне, мог войти через заднюю дверь, убить мужа и смыться. Зачем лишние трупы?

– Могли заказать обоих, – справедливо заметил Швец. – Что мы знаем о причастности Ларисы к делам мужа?

– Я продолжу, можно? – Михаил сдержал раздражение. – По моей версии, убийца знал, что Лариса в бассейне и может помешать выполнению задачи. Молниеносное нападение, удушение, сбрасывает тело в бассейн. Возможно, женщина кричала. Даже наверняка кричала. Обратили внимание, что мужа застрелили не в постели? Борис Михайлович смотрел телевизор, лежа в кровати, ждал жену. Услышал крик, не сразу сориентировался. Убийца не знал, где спальня, и какое-то время метался по дому. Борис Михайлович успел подняться, надел халат, затянул пояс, сделал несколько шагов. Ворвался убийца, произвел выстрел из пистолета с глушителем... Наличие последнего обязательно, не стал бы так рисковать. Почему не убил Ларису выстрелом из пистолета? Просто не хотел шуметь. Глушители несовершенны, хлопок чувствительный. Задушить – верное решение. Убив Лавровского, он покидает дом. Каким образом – не важно. Мог тем же путем, мог воспользоваться

задней дверью. Дальше понятно – подтаскивает урну, перелезает забор, отбрасывает корягу – и в кусты...

Настало продолжительное молчание. Оперативники скептически кривились. Воображения и творческого мышления явно не доставало. Но основная работа того и не требовала.

– Подождите, Михаил Андреевич... – Григорий наморщил лоб. – Получается, что вы подозреваете... – он не стал заканчивать.

– Да ну, – повторил Швец. – Маловероятно. Чтобы работники нашей конторы...

– И все же, – перебил Кольцов. – Первый вопрос: почему убийца, не зная, что в бассейне кто-то есть, отправляется дальней дорогой – когда короткая... предпочтительнее? Напрашивается вывод: он знал, что в бассейне Лариса. Второй вопрос: зачем Лавровский покинул кровать? Мое мнение: он услышал крик жены, пошел выяснять. Возможно, тоже кричал, звал ее, чем облегчил убийце поиск спальни. Третий вопрос, вернее, констатация факта. Осмотрев тело Лавровской, мы вошли в дом, отправились на поиски ее мужа. Алексей и Вадим побежали на лестницу, и это логично. В таких домах спальни, как правило, наверху. У Лавровских по-другому, но кто об этом знал? И только Никитин сразу повернул за лестницу – будто был уверен, куда идти. Откуда? Дом большой. Значит, он бывал уже здесь. Когда? Когда убивал, несколько часов назад. Грубый просчет, но ошибки допускают все.

– М-да, последний пункт малообъясним, – признал Швец, – Может, догадался? Согласен, глупо звучит...

– Давайте просто предположим, что убийца – Никитин, наш коллега из 7-го управления. Звучит фантастично, но предположим. Он выполняет свое служебное задание – наблюдает за Лавровским. Как совпало, что в этот день он оказался на дежурстве, нужно выяснять. Сидит в машине, ждет момента. Лавровские в доме, ужинают. Поздний вечер. Выходят к бассейну, разговаривают. Оба уходят. Никитин покидает машину, чтобы с заднего крыльца пробраться в дом. В это время появляется

Лавровская. Она решила искупаться перед сном. Никитин подглядывает в щель, злится. В округе никого, он может безнаказанно липнуть к забору. Лариса плещется в бассейне – куда ей спешить? Погода хорошая, вода подогревается. В отличие от супруга, она любит плавание. У Никитина кончается терпение, он идет в обход, подтаскивает корягу, перебирается на территорию. Понятно, почему он игнорирует заднюю дверь, – в бассейне Лариса. Эту неприятность нужно устранить, чтобы не мешала выполнять миссию. Пока он шел в обход, Лариса могла удалиться в дом, но он точно этого не знает. Идет по боковой дорожке, выглядывает за угол. Допустим, Лавровская поднимается из бассейна. Бежит, душит...

– Так не кричала же, – встрепенулся Москвин.

– Вадик, – рассердился Кольцов, – то, что она не кричала, известно лишь со слов Никитина. Еще как кричала. Но кто услышит? Художник с горничной? Между ними – глухой забор и живая изгородь. Может, слышали, но значения не придали. Или испугались. Обязательно кричала, иначе муж бы в доме не среагировал. Задушил, столкнул тело в воду, бросился в дом. Как узнал, что спальня внизу? Думаю, Борис Михайлович помог. «Дорогая, у тебя все в порядке? Я слышал крик...» Примерно так. Ворвался, а тот уже к порогу подходил – вечер в хату, далее без объяснений... Телевизор и свет у бассейна выключать не стал. Покинул территорию, перелез через забор. К машине не пошел – не дурак же. Знал, что будет кинолог. Блуждал по посадкам, прошел по мелкой речушке, мог переобуться...

– Сменку взял? – встрепенулся Москвин. – Как в школе?

– Повторяю: это не дурак. Хотя и не глыба ума. Поплутал, вернулся к машине и сидел с чувством выполненного долга. Всю ночь просидел. Ближе к утру решил действовать. Спасибо ему скажите, что в два ночи не поднял, дал поспать. Ну, что вы смотрите на меня, как на сумасшедшего? – рассердился Михаил. – Да, может, и так. Но версия нуждается в проверке. Если я прав, то наши дела плохи, и щупальца врага забрались даже в комитет. О моих подозрениях –

никому, даже полковнику Рылееву. Дай бог ошибиться. В машину, друзья мои. Будем выяснять, что за фрукт этот Никитин...

После обеда стала появляться информация. Хороший знакомый в 7-м управлении, выслушав просьбу, осторожно поинтересовался: все ли у майора Кольцова дома? Начал мяться, но в итоге согласился помочь, не поднимая шума.

Олегу Петровичу Никитину было 34 года. Время подрасти до капитана, получить нормальную должность, а не зябнуть в «наружке». Родом из Тамбова, рано остался без отца, угодившего под «дело врачей». Евреев в родне держали, но кого это сильно беспокоило? Мама тоже была медиком, выжила, осталась на свободе. Та репрессивная кампания на XX съезде была официально признана ошибочной и даже преступной. Поэтому детей потерпевших в правах не ограничивали.

К медицине Олег Петрович не был расположен, отправился в школу КГБ. Серьезных взысканий за годы службы не получил, серьезных поощрений тоже. Добросовестно тащил свой воз, и все его устраивало. Младший брат по стопам старшего тоже окончил школу КГБ, служил в спецподразделении, сложил голову в Кандагаре в 80-м году, когда в прыгающий по ухабам «УАЗ» попала граната.

Гибель близкого родственника Олега Петровича опечалила, но не подкосила. Он продолжал выполнять свою работу. Мама состарилась, тяжело болела. На личном фронте ничего хорошего – супруга ушла к более удачливому прокурорскому работнику, ребенка взяла с собой. А от алиментов Олега Петровича никто не освобождал. Так что финансовое положение было так себе. Похаживал к некой женщине, проживающей в соседнем квартале, но на оформление отношений не отважился. Проживал один, дважды в неделю навещал мать, привозил ей лекарства, продукты. То есть имел возможность заниматься чем угодно и ни перед кем не отчитываться.

Последний свод данных все расставил по местам. Смена была не его, на суточное дежурство Никитину предстояло заступать только завтра. Но он написал заявление: хочет отработать сейчас, чтобы пораньше уйти в отпуск. Начальство, как правило, шло навстречу работникам.

Михаил осторожно, стараясь не спугнуть удачу, повесил трубку, погрузился в размышления. Бормотало радио на стене. «Радионяня, радионяня, есть такая передача...» Артисты Лившиц и Ливенбук в шуточной форме наставляли подрастающее поколение. Ну что ж, мы рады вас приветствовать, товарищи ребята...

Заглянул Москвин, вошел после разрешающего кивка. За ним бесшумно просочились остальные – поняли, что происходит что-то важное.

Кольцов описал создавшуюся ситуацию. Офицеры поежились.

– Ну что, ребята-трулялята, не много ли удивительных совпадений? – задал риторический вопрос Михаил. – Не пора ли побеседовать с товарищем Никитиным? Заметьте, я пока его ни в чем не обвиняю. Но беседа назрела.

– Похоже, вы правы, товарищ майор, – глухо сказал Швец. – Но мы не можем просто так задержать нашего коллегу и устроить ему допрос. Поставьте в известность полковника Рылеева и получите санкцию. А он пусть извещает руководство Никитина.

– Вообще-то можем, – возразил Кольцов. – Все зависит от выбранной тактики. Беседовать с коллегами на нейтральной почве уставы не запрещают. Но ты прав, самоуправство не пройдет. Всем оставаться на местах, скоро поедем...

– Кольцов, ты спятил? – голос полковника в телефонной трубке вибрировал и глох. – Только в твою воспаленную голову могла прийти такая дичь... Это же наш человек, порядочный работник...

– Вот поэтому, Валерий Леонидович, такие люди и работают на врага годами – никто не верит, что они могут предать. Они же наши! И все так считают, не только вы. А вспомните Олега Пеньковского, некоего офицера КГБ Владислава Ветрова...

– Так, отставить! – рассердился Рылеев. – Ты что себе позволяешь?
– Вы плохо слушаете, товарищ полковник. Позвольте, я еще раз опишу имеющиеся факты. Они не являются неопровержимыми уликами, но вызывают живой интерес.

Он снова говорил – понятным, незамысловатым языком.

– Разве доводы не разумные, товарищ полковник?

– Разумный довод еще не аргумент, – огрызнулся Рылеев. – Хорошо, я согласен: все это выглядит подозрительно. Нужно проверить. Но никаких захватов в людных местах. Просто разговор, и только не на Лубянке. Уверен, недоразумение разрешится. Представь, с каким дерьмом меня смешают, если возьмешь не того. Ночью – конфуз с Лавровскими, днем – с Никитиным. Что будет завтра? А я тебе скажу – оргвыводы. Так что выберите для беседы подходящее место, по окончании разговора не забудьте извиниться... Где сейчас Никитин?

– Надеюсь, дома, товарищ полковник. Отсыпается после суточной смены.

– Вот дома с ним и разберитесь. И не звони мне больше. – Голос Рылеева зазвенел от злости. – Вернее, звони, но только с хорошими новостями. Все. – Взбешенное начальство швырнуло трубку.

Старший лейтенант Никитин проживал на Череповецкой улице в северной части Москвы. Панельные девятиэтажки (так называемые брежневки – в противовес хрущевкам) стояли кучно, кое-где даже соприкасались. Рабочий день еще не кончился – празднично шатающихся граждан было немного. Никитин обитал в двухкомнатной квартире на восьмом этаже.

Под домом не светились – Никитин мог уже проснуться и стоять у окна с чашечкой кофе, наслаждаясь тишиной и глупостью коллег. Прошли по бетонной дорожке, проникли в подъезд. Вадик Москвин двинулся дальше, получив приказ обогнуть здание и взять под наблюдение заднюю сторону. Вишневский отправился пешком, Швеиц и Кольцов поднялись на лифте. Встретились на седьмом этаже.

Григорий запыхался, смотрел на товарищей с нелюбовью, но гордо помалкивал.

Михаил позвонил в дверь – никто не открыл, все работали. Только загавкала собака. Кольцов позвонил в другую дверь. Послышался шорох, кашлянул мужчина. Михаил поднес к глазку раскрытое удостоверение. Дверь со скрипом приоткрылась. Показался мужчина не самого благополучного вида – небритый, в тельняшке. Вытянул шею, всмотрелся в документ.

– Ну и что, – пробормотал он, – я Мишке только раз в ухо съездил, и то с любовью. Он совсем охренел?

– Мы не по этой части, гражданин, – сухо объяснил Кольцов. – Ваши сложные отношения с Мишкой нас волнуют в последнюю очередь. Соседа сверху знаете?

Соседа сверху гражданин практически не знал. Одинокий мужчина, непьющий, раньше был семейный, теперь нет. Иногда здороваются, чаще – отворачиваются. Станный он, слова не вытянешь, где работает – непонятно, денег «до зарплаты» не занимает...

Прямо отсутствует всякое желание знакомиться ближе. Но пришлось. Через пару минут гражданин сомнительного вида звонил в квартиру на восьмом этаже, пугливо косился на людей за спиной.

– Эй, сосед, это Петрович с нижнего этажа... – хрипел гражданин. – Ты дома?

Послышался шум, зашаркали тапки, потом пауза – хозяин смотрел в глазок.

– Что надо? – голос был недовольный. Видимо, разбудили – спал с чувством выполненного долга.

– Что-что... топишь ты меня. По стенам бежит – сам посмотри, если не веришь... В домоуправление уже позвонил, сейчас сантехники придут, они тебе покажут...

– Весьма оригинально, – прошептал Вишневский. Михаил показал ему кулак.

– Сосед, ты перепил? – мрачно отозвался Никитин. – Ничего у меня не бежит. Иди проспись.

– Ладно, – вздохнул гражданин в тельняшке. – Но учти: ремонт за твой счет...

Скрипнул, проворачиваясь, язычок замка. Михаил схватил за плечо подставного, оттащил в сторону, встал на его место. Дверь открылась. Никитин начал было что-то говорить, но осекся, угрюмо уставился на смутно знакомое лицо незваного гостя. Он был в разобранном виде – в домашних штанах, в расстегнутой клетчатой рубашке. Страх искрой мелькнул в глазах – и все тут же встало на свои места.

– Товарищ майор? – Никитин застыл, глаза заметались. – А что, собственно...

– Уточнить надо, Олег Михайлович. – Кольцов сохранял доброжелательный тон. – Прошу прощения, что вторгаюсь в ваше пространство, но дело не терпит отлагательств. Позвольте войти?

– Да, разумеется... – Никитин справился с волнением, усердно изображал удивление. – Конечно, проходите, если надо, работа есть работа... Вы один?

– Да, один, – Михаил шагнул за порог.

Никитин все понял, не нужно иметь семь пядей во лбу. Он с силой толкнул дверь! Михаил отшатнулся, охнул, получив по коленке. Хорошо, не по лбу. Дверь захлопнулась. Успел-таки, гад! Искры плясали перед глазами.

– Никитин, не отягощайте! – крикнул Швец. – Все кончено!

В квартире раздался грохот: что-то упало, скрипнула дверца шкафа. На что он рассчитывал? Восьмой этаж, планировка незатейливая, пожарные выходы не предусмотрены.

– Что стоите? Ломайте дверь. – Михаил отступил, морщась от боли в колене. Швец попытался высадить дверь плечом – она оказалась прочнее, чем выглядела. Швец разбежался и снова саданул, уже другим плечом. Дверь держалась, хотя и тряслась в створе.

Ударили вместе с Вишневым – в четыре ноги. Заскрипела прочная конструкция, но опять удержалась.

Завибрировала рация в нагрудном кармане.

– Товарищ майор, он на балконе... – поставил в известность Вадик Москвин. – Одет кое-как, штаны не застегнуты, за спиной сумка болтается... Перелезает через перила... Прыгает. Ухватился за пожарную лестницу... Ничего себе трюкач! Висит, ноги болтаются...

Снова последовал сокрушительный удар. Дверь распахнулась, замок повис на вырванном шурупе. Михаил первым ворвался внутрь, кляня себя за бестолковость. Каким образом можно было предусмотреть эту пожарную лестницу?! Завертелся – планировка без хитростей: слева кухня, прямо – спальня без балкона. Бросился направо, влетел в сравнительно просторную комнату с телевизором.

Жил Никитин небогато, в интерьере – сущий аскетизм. Видимо, не тратил средства, добытые преступным путем. И знал, что однажды время придет: подготовил путь отступления, имел «тревожный рюкзачок»...

Кольцов кинулся к распахнутой балконной двери, выскочил наружу, схватившись за хлипкое ограждение. Закружилась голова. Перила были низкие, шатались, балконная плита – с уклоном. То еще удовольствие – находиться на таком балконе... Справа тянулась пожарная лестница. Добраться до нее в прыжке – акробатический номер. Никитин еще карабкался – он находился на уровне девятого этажа. «Уйдет по крыше? – мелькнула мысль. – Далеко ли, интересно? Хотя наверняка имеет план побега, и это опасно».

Времени облачиться у преступника не было. Натянул ботинки, но шнурки болтались незавязанные. Брюки кое-как надел, куртку, по спине стучала сумка с надписью «Спорт».

– Никитин, назад, стрелять буду!

Но тот лишь покосился раздраженно, скрипнул зубами. Сдаваться на милость победителей он явно не собирался. Михаил выхватил

пистолет, но стрелять передумал – как-никак спальный район.

Никитин лез, как обезьяна, подал вперед упругое туловище, запрыгнул на крышу. Гудела, вибрируя, пожарная лестница. В голове творилось черт-те что. Кольцов бросился к ограждению. В этот момент преступник перегнулся – он и не думал убежать, выбросил руку с пистолетом. Михаил машинально отпрянул. У этого черта имелось оружие – явно не табельное! Никитин передумал открывать огонь – цель оказалась в слепой зоне. Пустился бежать – затопал по крыше. Соображалось так себе – майор вновь метнулся к ограждению, стал перелезать. Если встать с обратной стороны, можно допрыгнуть до лестницы – если повезет, конечно... Затея отдавала безумием. Швец схватил его за плечи, стал оттаскивать.

– Куда, Михаил Андреевич? Это чересчур, мы не можем вас потерять... Никуда он не денется, вы сами подумайте...

Майор опомнился. Гимнаст под куполом цирка – не его номер. Пути отступления преступнику отрезаны. Вот только сил сегодня мало...

Они ввалились обратно в квартиру. В нетерпении приплясывал Вишневский.

– Товарищ майор, это хорошо, что вы не прыгнули... – слышался в радиации голос Москвина. – Я чуть со страха за вас не умер... Никитин по крыше убегает, слышу, как топает. Сейчас пойдем, спустится он в соседний подъезд или перепрыгнет на соседнее здание... Он прыгает, товарищ майор, вот это да! – Москвин не сдержал восхищения. – Метра три пролетел... В соседнем доме всего два подъезда, товарищ майор, я уже бегу, смогу контролировать оба. Вы уж подтягивайтесь давайте...

Лифт оставался на седьмом этаже. Ввалились в него, пыхтя от возбуждения. Пусть лифты и неспешные, но все равно быстрее, чем пешком. Выглядывал из своей «блатхаты» сосед в тельняшке, учащенно моргал – ничего себе приключенческий фильм...

Кое-как дождались, пока лифт опустится, высыпали на лестничную площадку. План Никитина был прост и понятен. Москвин отчаянно

семафорил, находясь у соседнего дома. Помчались, распугивая редких прохожих. Побег по крышам продолжался.

Спускаться в подъезд Никитин пока не собирался или у него не было возможности. Люки в подъезды работники жилконтор часто запирают.

Никитин пробежал по крыше второго здания, обозначил свое присутствие на карнизе. Дом имел переменную этажность – вплотную прилепилась пристройка в пять этажей – дом детского творчества. В заведении растили таланты – будущих Мусоргских, Репиных, Спасских. Преступник снова воспользовался пожарной лестницей – спустился на четыре этажа. Прохода в здание, по-видимому, не было, да и слава богу: не лучшая перспектива – брать убийцу в окружении детей.

Никитин бросился на торец здания, прыгнул, не раздумывая (стал бы раздумывать – не прыгнул бы. Землю в этом районе строители использовали рачительно, дома стояли почти вплотную. Преступник пролетел по воздуху, немного не рассчитал, повис, вцепившись в выступ на карнизе. Ахнула девчонка с ранцем, проходящая мимо, задрала голову.

Беглец подтянулся, забросил ногу. Едва не свалился незашнурованный ботинок. Никитин поднялся, побежал и пропал из вида.

Данное строение имело пять этажей. Завершающий пункт маршрута, дальше прыгать некуда. Дом строили в благословенные времена Иосифа Сталина – добротное кирпичное здание с покатой крышей, три подъезда, детские площадки. Густые тополя, под ними ютились лавочки, столики, за которыми пенсионеры «забывают козла». Людей почти не было. Стало легче – по крайней мере, появилась ясность. Никитин находился наверху, а может, уже в подъезде. Но в каком?

К дому они подбежали, изрядно запыхавшись, – физическую форму следовало подтянуть. Москвин остался у первого подъезда, нырнул под козырек – преступнику ничто не мешало открыть огонь

с крыши. Вишневский припустил в обход – сзади находилась пожарная лестница. Кольцов и Швец бежали дальше. Алексей сменил направление, прижался к среднему подъезду.

На улицу выходила миниатюрная брюнетка с громоздкой коляской. Швец придержал дверь, помог гражданке выкатить из дома ее чадо, начал что-то быстро говорить. Гражданка побелела, вцепилась в коляску, погнала ее вдоль дома.

Кольцов направился к последнему подъезду, машинально косясь на крышу. В открытом окне первого этажа показалась пожилая женщина. Она что-то поливала из миниатюрной лейки, косясь на бегущего за окном.

– Гражданка, звоните в милицию, – строго сказал Кольцов. – Пусть высылают наряд. В доме преступник. Вы поняли? – он повысил голос.

Пенсионерка сделала круглые глаза, поколебалась и захлопнула окно. Вот и гадай теперь, что она будет делать.

Михаил пристроился за кустом акации, не доходя до подъезда. Ожидание не затянулось. Из дома вышел молодой человек – возможно, школьник – лохматый, как Робинзон Крузо, в красных кроссовках, приобретенных явно у фарцовщика. Помахивая пустой сеткой, прыгнул с крыльца. Дверь еще не захлопнулась, как следом выскочил... Никитин! Он знал, что дом под наблюдением, но людей у преследователей немного.

Кольцов замешкался. В это мгновение преступник догнал паренька, обхватил его за шею, приставил пистолет. Что-то вполголоса процедил, видимо, посоветовал не дергаться. Паренек онемел от страха, подкосились ноги.

Кольцов выхватил пистолет, выбежал из-за куста.

– Никитин, не дури, отпусти парня!

Преступник предпочел не опускаться до разговоров. Прикрываясь парнем, попятился, надеясь убраться за угол. Парнишка едва дышал, смертельно побледнел. Никитин был не краше, кусал губы. Страх терзал его, но и решимости было – хоть отбавляй.

– Никитин, дом окружен, прекращай сопротивление!

Страшная ухмылка перекосила лицо недавнего коллеги. Терять ему было нечего, дважды не расстреляют. Он привел себя в порядок, пока пребывал в подъезде, застегнул куртку, завязал шнурки. Сейчас он был жесток и опасен.

Михаил медленно шел к ним, держа пистолет на вытянутой руке. Он целился, но риск попасть в мальчишку был реальный. Справа кто-то взвизгнул – еще одна жиличка собралась было выйти из подъезда.

Никитин, прячась за пацаном, отступал. Вишневский находился на той стороне, но он не мог знать, что здесь происходит.

– Майор, положи оружие на землю, – процедил сквозь зубы Никитин. – Добром прошу – положи. Я оставлю парня в покое и уйду. А если не положишь... сука, я убью его! – взвизгнул Никитин. – Как собаку убью! Живо, майор, я даже до трех считать не буду!

Нервы рвались к чертовой матери. Он действительно мог выстрелить. Парень что-то захрипел, дернулся.

– Не стреляй, кладу! – Михаил медленно нагнулся, положил пистолет под правую ногу.

Дальнейшие события развивались стремительно. Кривая ухмылка стала выпуклой, Никитин оттолкнул от себя пацана, вскинул пистолет. Кольцова обдало холодом: вот оно какое – предчувствие смерти! Предатель и впрямь собирался выстрелить в безоружного майора!

Неожиданно за спиной хлопнул выстрел. Пуля пробила череп, преступник рухнул навзничь. Сквозь гул в ушах прорывались крики. К месту происшествия никто не подходил – дурных не было. Ожил уцелевший паренек, завертел головой и умчался за угол со скоростью пули, как будто еще недавно у него не отказывали ноги.

Михаил обернулся. Швец тоже вспотел – лицо покрылось бисером мелких капель. Он опустил пистолет, протяжно выдохнул. В отличие

от начальника, он не вышел на дорожку перед домом, а крался вдоль фундамента, и Никитин его не засек.

Преступник не шевелился, из простреленной головы вытекала кровь. Выстрел был удачный. Самое странное, что Никитин и сейчас продолжал ухмыляться – словно ничего не произошло. Плавно переступая, словно солист балета, подошел Швец, опустился на корточки. Ранение, увы, было смертельным.

– Дело мастера боится, Алексей? – глухо спросил Кольцов.

– Боится, – кивнул тот. – Виноват, Михаил Андреевич. Следовало ранить его – в ногу, в руку или еще куда-нибудь. Допросили бы, все выяснили... потом, правда, пришлось бы отвлечься на ваши похороны...

Стало дурно. А ведь действительно... Майор тоже опустился на корточки, уставился на окровавленное лицо лежащего на земле Никитина.

Подбежал Москвин, стал кого-то отгонять:

– Граждане, без паники, мы из органов! Проходите, не задерживайтесь, если не хотите стать свидетелями!

Желающих поучаствовать в событии не нашлось. Из-за угла выглянул озадаченный Вишневский, покачал головой: дескать, на минуту нельзя оставить.

С улицы свернула машина, окрашенная в бодрые милицейские тона, покатила по узким переулкам. Подъезжая к дому, водитель включил сирену – видно, решил шикануть...

Глава третья

День был насыщен безрадостными событиями. Гибли люди, рвались ниточки.

Только к одиннадцати вечера Кольцов добрался до дома у Измайловского парка. Служебная машина покатила дальше. Он постоял на крыльце, с чувством покурил. К ночи растаяли облака, загадочно переливались звезды. Где-то рядом существовал другой мир, иногда удавалось в него заглянуть, но прочувствовать не получалось – майор снова уходил в работу, куда-то мчался, вертелся как заведенный...

Лифт на ночь отключили, пришлось тащиться на шестой этаж пешком. Будить домашних не хотелось, он открыл своим ключом, вошел на цыпочках, как вор.

В этом мире было тихо и уютно, почему он застрял в других измерениях? Несколько минут просидел на облезлом пуфике в прихожей, перестраивал сознание. Квартира, предоставленная ведомством, была неплохая: три комнаты, просторная кухня, прихожая, в которой хоть в теннис играй.

На цыпочках дошел до детской, постоял под закрытой дверью. Валюша сопела во сне, причмокивала, смотрела свои сны. Даже находясь в Москве, он видел ребенка нечасто. Уходил – она еще спала, приходил – уже спала. Выходные – понятие относительное и ненадежное. Про долгие командировки лучше и не вспоминать. Через год ребенок уже пойдет в школу, будет получать отметки, общаться со сверстниками...

Из супружеской спальни не простекало ни звука. Настя тоже уставала, но день ее был нормированный, она всегда знала, когда придет домой и чем будет заниматься.

Вторгаться в спальню Михаил не рискнул, двинулся на кухню, плотно прикрыл дверь. В холодильнике было не то чтобы пусто, но и не продуктовый рай. Условно мясная колбаса, сыр, масло, яйца,

что-то подозрительное в кастрюле. В дверце – бутербродное масло, очередное достижение советской пищевой промышленности. Есть его в чистом виде было невозможно – продукт был хуже маргарина. Опытные хозяйки покупали по несколько пачек, путем сложных манипуляций выжимали из продукта воду, и только то, что оставалось, походило на масло. Настя до такого искусства пока не доросла.

И все же поиски еды увенчались успехом. В морозилке нашлись пельмени, налепленные тещей. Как этой доброй женщине удавалось провезти их через всю Москву и не превратить в слипшуюся массу, оставалось загадкой. Перед тещей он всегда испытывал неловкость, забывал, где работал, терзался чувством вины: за «загубленную» жизнь ее дочери, за ребенка, растущего без отца, за то, что супруга в одиночку тащит весь этот воз...

Доставая пельмени, он уронил на пол упаковку с колготками – поднял, засунул обратно. Товар нечасто появлялся на прилавках, за его обладание женщинам приходилось участвовать в настоящих боях. К изделию относились бережно. Считалось, что перед началом носки колготки надо подержать в морозилке – для улучшения прочности. Почему – народ не задумывался. Колготки не выбрасывали, чинили до последнего, стрелки замазывали лаком для ногтей. Окончательно порвавшиеся тоже не выбрасывали – носили под брюками. Настя в этом плане ничем не отличалась от других – и это был еще один повод краснеть перед тещей...

Закипала вода на плите, бубнил компактный телевизор, подключенный к общей антенне. По экрану бегала полосы, но изображение угадывалось. Повторяли вечерние новости. С трибуны выступал Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР, обладатель других должностей и званий. Сейчас он что-то бубнил по бумажке. Анекдотам про него несть числа. «Брови черные, густые, речи длинные, пустые» – отгадавшие загадку награждались бесплатными путевками в санатории русской Италии – Золотой

Колымы... За последние годы Леонид Ильич капитально сдал, хотя семьдесят пять лет не предел для мужчины. Лицо обрюзгло, речь стала невнятной. В данный исторический отрезок, в разгар одиннадцатой пятилетки, происходило важное событие – под руководством КПСС принималась «Продовольственная программа» – в целях преодоления товарного дефицита, охватившего всю страну. Автором программы считался некий Михаил Горбачев, курировавший в Политбюро вопросы сельского хозяйства. Предлагались меры по увеличению производства продуктов, возведению новых агрокомплексов, расширения посевных земель. Ничего нового, не считая того, что дефицит в стране все же признали даже «наверху». Назревала новая неразбериха на продуктовом рынке, вряд ли связанная с его насыщением.

– Ладно, переживем и этот виток процветания... – пробормотал Михаил, помешивая купающиеся в кипятке пельмени. Потянулся к телевизору, переключил. Легче не стало – в записи передавали репортаж с Пленума ЦК КПСС. На какое-то время тема грядущего изобилия должна была затмить все другие. Вспомнился еще один анекдот: мужик переключает каналы – везде Брежнев. Замаялся уже. Наконец появляется субъект в форме полковника КГБ, грозит пальцем с экрана: «Ты у меня допереключаешься»...

Анекдоты про КГБ в первую очередь обожали сами работники КГБ. Два чекиста сидят в купе, травят анекдоты про Брежнева. Один говорит: «Подожди, пленку переверну». Другой: «Да ладно, у меня потом перепишешь».

Телевизор пришлось выключить – раздражал. Информацию получали из более достоверных источников.

Настя появилась, когда он с аппетитом уминал пельмени, запивая чаем. Вошла, кутаясь в халат, заспанная, взлохмаченная, курносая, щурилась и молчала. Задумчивость на женском лице – это к беде. Михаил поднялся, поцеловал ее в припухшие губы, вроде не стала отворачиваться.

– Явилось ясное солнышко на ночь глядя... – вздохнула Настя. – Ешь, не отвлекайся. Мама специально для тебя налепила...

В последнее время она оттаяла – до разумных, конечно, пределов. Муж стал чаще появляться в зоне видимости, и это отодвинуло большой взрыв. Но он по-прежнему был женат на работе, иначе не получалось.

Настя села напротив, подперла подбородок кулачком.

– Завтра задержусь на работе, – сказала она. – Привезут новые шкафы, надо с ними что-то делать. Меня уже записали на внеплановый субботник. Заберешь Валюшу из садика?

Михаил смутился. Супруга пристально разглядывала его лицо, делала выводы. Временами злость брала: можно подумать, он развлекается!

– Это не твой ребенок? – вздохнула Настя. – Тебе его подбросили?

– Постараюсь забрать, – сказал Кольцов, отодвигая тарелку.

– Постараешься? – удивилась жена. – А если не станешь стараться? Ребенку придется ночевать на лавочке перед детским садом?

– Обещаю – заберу, – твердо подытожил Кольцов.

– То есть мы не будем сейчас разбирать пословицу «Не давши слова, крепись, а давши – держись»?

– Не будем.

– Ну ладно... – Она смягчилась, вымыла тарелку мужа, хотя он мог и сам.

В спальне тоже было неплохо, и силы откуда-то нашлись. Лунный свет заглядывал в окно, растекался по полу, но до кровати не доставал.

– Потрясающе, в это невозможно поверить, – шептала Настя и снисходительно разрешала себя гладить. – Никаких командировок, ты уже две недели находишься в Москве. Это явно не к добру, но все равно ты здесь, приходишь домой, правда, поздно, но ночуешь в моей постели...

– В твоей постели? – не понял Кольцов. – Это не наша постель?

– Нет, – Настя приснула. – Судя по тому, как редко ты в ней появляешься, это моя постель. Подвинься...

Она уснула, а он лежал, разморенный, и не мог уснуть. Крутились кадры немого кино: мертвая женщина в бассейне, ее убитый супруг в спальне; злобная ухмылка на мертвом лице старшего лейтенанта Никитина... Он находился на волосок от смерти. Выстрели Швец секундой позже – и все. То есть совсем все: пустота, темень, полное небытие. Он обязан Шведу по гроб жизни, а толком даже не поблагодарил...

Сон не шел, майор ворочался, вздыхал. Настя на всякий случай отползла на другой конец постели и там опять забылась. Тишину оборвал скрип потолка, наверху что-то упало. Верхнему соседу тоже не спалось, начинались традиционные «ночные бдения». Иногда он включал музыку, впрочем, не громко, разговаривал сам с собой, ругался.

Однажды это надоело, Михаил поднялся, чтобы разобраться. Ушел через час – сконфуженный и с тремя стопками водки в желудке. Жена ушла от Виталика два года назад, когда он командовал в Афганистане взводом разведки. О том, что реально творилось в этой стране, советская пресса не сообщала. Силы ДРА с моджахедами не справлялись. Из Пакистана на помощь басмачам шел непрерывный поток западного оружия и подкрепление в живой силе. Весь удар доставался ограниченному контингенту Советской армии – девятнадцатилетним пацанам-срочникам. Профессиональный спецназ в Союзе был, но, мягко говоря, немногочисленный. Пацаны грубели, матерели, учились на своих ошибках и, если выживали, превращались в грозных вояк, способных выполнять любую задачу.

Виталик дослужился до капитана. До армии был веселый человек. Вернулся бирюком, весь серый, с запавшими глазами. Толком не работал, сидел в своей берлоге, употреблял, с людьми не общался. До розовых чертей, впрочем, не напивался, чуть

перегибал палку – сразу засыпал. «А зачем тогда пить?» – недоумевал Кольцов.

В тот вечер Виталик разоткровенничался, рассказал, как в Панджшере погиб его взвод. Практически весь – остались только сам Виталик и раненый боец, позднее скончавшийся в госпитале.

Командование ставило нормальные задачи: уничтожение баз мятежников в ущелье, ликвидация системы управления группировками, занятие территории, где обосновались бандиты. Но реализация задач оставляла желать лучшего.

Взвод Виталика попал в засаду во время проведения разведки, откатился, а потом почти сутки держал горную дорогу, не давая мятежникам обойти батальонную группу. Силы таяли, люди гибли, душманы шли в лобовую атаку, отступали с потерями, ударяли сбоку – их забрасывали гранатами. Вчерашние мальчишки дрались, как черти, пятились, но не бежали. Люди умирали от страшных ран, многие гибли, даже не успев осознать, что умирают. В последний момент, когда никого уже не осталось, появились советские вертушки с ракетами, отстрелялись – и наступать уже было некому. Что им мешало появиться раньше?

Виталика комиссовали по ранению, приехал сломленный, контуженый, никому не нужный. «Может, в криминал податься? – рассуждал он, сильно подпив (в таинство своей работы Кольцов соседей не посвящал). – Даже не знаю, что делать, друг. Пустота внутри, обида, стыд перед парнями. Они там кровь проливают, гробы с «двухсотыми» эшелонами в Союз идут, и никому до этого дела нет...»

– Разрешите?

– Входи, майор. Ты сегодня как будильник, – усмехнулся полковник Рылеев. Минутная стрелка настенных часов с шелестом встала на деление. Ровно девять утра. В кабинете полковника сидел еще один субъект – невысокий, плотный, в штатском костюме,

который никого не мог обмануть. Он пристально разглядывал майора, постукивая пальцем по столешнице.

«Странно», – подумал Михаил. Он мысленно приготовился к разносу за вчерашнее, вплоть до отстранения от работы, но при чем здесь этот товарищ? Он не имел отношения к текущему делу. Или снова все переплелось?

– Проходи, Кольцов, – пригласил Рылеев. – Это генерал-майор Беликов Виктор Афанасьевич, начальник 3-го Главного управления. Сегодня он у нас в гостях, так сказать.

– Надеюсь, не в качестве свадебного генерала, – проворчал товарищ, одетый в добротный «буржуинский» костюм. Он привстал, протянул руку: – Будем знакомы, майор.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

– Садись. – Генерал показал на стул. – И не вскакивай каждый раз, когда я буду подниматься, не мелькай перед глазами. Говоришь, это лучший сотрудник, Валерий Леонидович? – Беликов повернулся к Рылееву. – А по тому, что случилось вчера, я бы не сказал. Сели в лужу вы капитально...

– С ним всегда так, – отмахнулся Рылеев. – Сперва через заднее место, потом ничего, справляется. За последние два года ни одной нерешенной задачи.

Михаил молчал. Сказать было нечего. В грубых оценках его деятельности была доля истины. Что здесь забыл начальник 3-го Главного управления, ведущего контрразведывательную деятельность в вооруженных силах? Хотелось верить, что это дружеский визит. О репрессиях речь, похоже, не шла.

– Хорошо, если это так, – смягчился Беликов. – Дело уж больно щепетильное, первому встречному не доверишь... Я в курсе истории с Лавровским, этот негодяй сдавал на Запад серьезные сведения о нашем ядерном потенциале. За руку его, к сожалению, не поймали... но ладно, будем считать, что получил по заслугам. Еще эта история с лейтенантом из «семерки»... как там его, Никитин? Безрадостная ситуация, товарищи. Вербуют не только ученых

и чиновников, но и людей, призванных обезвреживать лазутчиков... Вижу, майор, что у тебя накопились вопросы. Потерпи. Претензий к тебе никаких, Валерий Леонидович рассказал, что вчера произошло. Ты действовал правильно. Все предусмотреть невозможно, и от ошибок никто не застрахован. Никитина ты вычислил блестяще, снимаю шляпу. В деле Лавровского, как ты уже понял, пересеклись интересы наших управлений. Мы тоже разрабатывали Бориса Михайловича, царствие ему небесное, отслеживали – правда, безуспешно – его связи. К сожалению, не имеем понятия, на кого работал Никитин. Несложно догадаться, что эта фигура тоже окопалась в наших структурах...

– Прошу прощения, товарищ генерал-майор, – осторожно перебил Кольцов. – При всем уважении и почтении... задействованы серьезные силы. Что здесь делаю я?

– Во-первых, ты начал, тебе и продолжать. Во-вторых, я не могу привлечь людей из своего управления по той причине... – Беликов задумался, как бы выразиться деликатнее, ничего не придумал и сказал, как есть: – По той причине, что в нашем руководстве есть их человек.

– Вы серьезно? – удивился Михаил. – В руководстве 3-го Главного управления обосновался «крот»?

– Именно это я и пытаюсь сказать, – ворчливо отозвался Беликов. А Рылеев укоризненно покачал головой: дескать, Кольцов в своем репертуаре. – Нужен человек со стороны, грамотный, толковый, на которого можно положиться. Валерий Леонидович уверен, что это ты. Доверяю его выбору. Теперь мы действуем сообща, на что получена санкция от самого Юрия Владимировича. Не удивляйся, товарищ Андропов в курсе. Несладко, знаешь, осознавать, что у тебя под боком окопался враг... – Беликов передернул плечами, глухо выругался: – Недосмотрел, проявил близорукость. Чувствую себя как партизан во вражеском тылу... Ладно, оставим лирику. Организовать убийство Лавровских мог только человек из нашего ведомства, согласен? Он завербовал Никитина, посулив ему большие

деньги, поставил Никитину задачу, зная, что мы вышли на Лавровского и скоро его возьмем. Лавровский на допросе мог его сдать.

– Соглашусь, товарищ генерал-майор, – кивнул Кольцов. – Обладать этими сведениями мог только сотрудник комитета. Не знаю, как насчет 3-го управления, но у нас знали пятеро, включая меня и товарища Рылеева. Все эти люди вне подозрений.

– Говорю же, – Беликов поморщился, – расклад такой. Ведомство господина Уильяма Джозефа Кейси выявляет места расположения наших баллистических ракет с ядерными зарядами. Их интересует любая, желательно достоверная информация о советском ядерном щите. Техническая документация, перспективные разработки, структура ракетных подразделений, снабжение, оснащение боезарядами и тому подобное. Операция называется «Ариадна». Красиво? С расходами янки не считаются, в бюджете ЦРУ заложены сумасшедшие суммы. Людей вербуют во всех структурах, имеющих отношение к теме. Я тебе их перечислю. Первое: Министерство среднего машиностроения. Это был Лавровский, а может, кто-то еще. Второе: 12-е Главное управление Министерства обороны – структура, непосредственно отвечающая за ядерное обеспечение. Третье: наше 3-е Главное управление – оно взаимодействует с перечисленными структурами, надзирает и курирует. Везде шпионы – не вымышленные, а, к сожалению, реальные. Пока мы знаем только Лавровского. О кротах из Двенадцатого ГУ еще узнаем – помяни мое слово. Главная задача – выявить человек из моего управления, с него и начнем распутывать клубок. Вред уже нанесен – колоссальный вред. Операция ЦРУ проходит успешно – об этом докладывает наша резидентура в Штатах. Места базирования ракетных полков давно известны. Враг в курсе практически всего. И что прикажете – менять места дислокации? Накладная работа. И бесполезная, пока не будут перекрыты каналы утечек. Мы добились локального успеха. В контейнеры, перевозящие по Транссибу секретную продукцию,

люди из ЦРУ пытались установить приборы, фиксирующие радиацию. Дело тяжелое, неблагодарное, и затея провалилась благодаря помощи внедренного в ЦРУ нашего человека. К сожалению, он не волшебник, полной компетенцией не обладает. Данный успех снимает лишь часть проблемы. Со шпионской сетью надо что-то делать.

– Я понял, товарищ генерал-майор. Есть подозреваемые?

– Главку подчиняются особые отделы военных округов... – Беликов нахмурился. – Практически во всех округах находятся части 12-го управления МО. Есть подозрение, что изначально информация утекает с мест – именно из этих частей. Наиболее значимые объекты – в Московском и в Белорусском военных округах. Также Закавказский округ, Ленинградский, Киевский... Этим структурам я отдаю предпочтение, что не означает, что не надо проверять другие. Каждый отдел курирует определенное территориальное образование. Проверке подлежат полковник Мордвинов, подполковник Поляков, майор Сыроватов... Я предоставлю список, майор. Еще успеем поговорить, и не раз. Сколько нужно времени?

Вопрос был интересный.

– Понимаю. – Генерал-майор усмехнулся, не дождавшись ответа. – Сроки назначать не буду, но, сам понимаешь, дело горящее, тянуть нельзя. Вмешиваться в ваше расследование не буду, все нужные сведения предоставлю оперативно. Обращайся по любому вопросу, не надо стесняться.

– Первый пункт могу назвать уже сейчас, товарищ генерал-майор. Фамилии и фотографии сотрудников иностранных посольств, имеющих интерес к нашим ядерным объектам. Информация секретная, надеюсь, мы получим к ней доступ. Эти данные в ведении Первого и Второго управлений. Кто-то из этих людей работает с «кротом» из вашего управления.

– Хорошо, посмотрим, что можно сделать, – кивнул Беликов.

– Плачевно, товарищ генерал, если после инцидентов с Лавровскими и Никитиным «крот» ляжет на дно. В этом случае работа затянется. Но есть вероятность, что он не догадывается о нашей осведомленности насчет него. Он знает, что ни Лавровские, ни Никитин не успели ничего сказать. Поэтому продолжит свою деятельность. В этом случае у нас больше шансов.

– Как бы то ни было, работа предстоит непростая, майор. – Беликов буквально просверлил Михаила взглядом. – Надеюсь, ты вытащишь нас из этого дерьма...

Сор из избы не выносили. Операцию по выявлению «крота» в 3-м Главном управлении наглухо засекретили, работали только свои. Список из семи фамилий, представленный Беликовым, выглядел странно, разрабатывать в открытую этих людей было опасно (и Беликов с этим согласился). Фигуранты «тяжеловесные», со связями и влиянием, таких зацепишь без серьезного основания – пойдет волна, мало не покажется. Спрогнозировать последствия – весьма сложно. Комитет превращался в касту неприкасаемых благодаря стараниям Юрия Владимировича Андропова.

Пошли обходной дорогой – вернее, двумя обходными дорогами. Первое – иностранцы, сотрудники посольств и консульств. Шпионы работали не в вакууме, направлялись и обеспечивались кураторами из западных спецслужб. Личные встречи и прочие контакты были обязательны. Второе – углубленная работа по Лавровскому и Никитину.

Ненавязчиво отрабатывались связи покойного Бориса Михайловича – оперативники приходили к удручающему выводу: покойник был неглуп. Закулисная жизнь держалась в тайне, ничего незаконного, подозрительного. Работа на благо Отчизны отнимала много времени. Коллеги и подчиненные скорбели – причем натурально, кто-то – искренне.

Осмотр рабочего места ничего не дал – в сейфе и в шкафах Борис Михайлович компромат не хранил. Если с кем-то и встречался

в нерабочее время, то делал это осторожно. Фигура его убийцы – старшего лейтенанта Никитина – выглядела перспективнее и при удачном сочетании мастерства и везения могла вывести на личность приобретателя выгоды от убийства.

– Какие-то мы недоношенные, друзья мои. – Михаил скептически оглядел понурое войско. – Да, будет трудно, сейчас всем трудно. Следует помнить, что только терпение и тяжелый созидательный труд приведут нас к победе. Не уверен, что ликвидация Лавровского – целиком и полностью инициатива «крота» из 3-го управления. Да, ему это выгодно в первую очередь. Открой Лавровский рот – и покатится голова «крота». Но без одобрения западных кураторов он действовать не станет. Те не дураки, одобрение дали. Лавровский все равно потерян, но нужно сохранить других. А вот исполнение акции «крот» мог обеспечить сам. И Никитин его человек, в этом я почти не сомневаюсь. Кто лучше поймет друг друга, чем два сотрудника одного ведомства? Контакттировать с данной фигурой Никитин был обязан. Не исключаю, что это были физические контакты – в парках, рюмочных, в театрах оперы и балета. Ведь они не рассчитывали на то, что провалятся? Москвин – твоя тема. И бог тебе в помощь.

– Слушаю и повинуюсь, товарищ майор, – вздохнул молодой сотрудник. – Может, лучше Вишневого... вместо бога?

– Хорошо, – согласился майор. – Григорий, окажешь товарищу посильную помощь. Направление перспективное. А мы с Алексеем займемся господами иностранцами.

Направление действительно казалось многообещающим. Отчет о проделанной работе поступил к обеду следующего дня. Анализировались последние дни продавшегося Западу офицера. Он должен был получить инструкции. И вряд ли это был телефон или почтовый ящик. Гуси тертые – на глупость не пойдут. Но звонки тем не менее проверили. В последние четыре дня Никитин звонил только матери – два раза. Женщину проверили – ничего

подозрительного, пенсионерка, бывший школьный завуч, положительные характеристики.

Никитин вел затворническую жизнь: дом, работа. Иногда выбирался в центр или на природу. Близких друзей не имел, с женщиной расстался, новой пока не обзавелся...

«Что значит «пока?» – машинально задумался Михаил.

Почтовые ящики в подъезде выглядели ужасно: облезлые, разбитые, ни один не запирался на ключ. Передавать с их помощью секретную информацию – непревзойденная глупость. Последний выходной у Никитина был три дня назад. Точная дата: 16 мая. До этого он плотно работал, после – тоже, вплоть до своей неожиданной кончины. Тело лежало в морге. Известили сестру – единственную родственницу, – проживающую в далеком Томске, но та еще не подтянулась на похороны брата.

Этот день исследовали пристально, со всех сторон, используя обаяние, умение разговорить собеседника и, несомненно, служебные удостоверения.

Было воскресенье. Никитин вышел из дома в половине одиннадцатого утра, поздоровался с бабушками у подъезда. Последние и стали источником информации. Вернулся часа через два и больше дом не покидал. До одиннадцати вечера скрипели половицы, потом его видели курящим на балконе, работал телевизор. Затем лег спать – вставать на работу надо было в шесть утра. Куда он отлучался утром, успев проверить свои дела за два часа? Бабушки отчитались: Никитин завернул за угол, тогда как выход на улицу с другой стороны.

На задворках находились гаражи, один из них принадлежал Никитину, имеющему в личной собственности автомобиль «Москвич-412». То, что фигурант воспользовался машиной, подтвердил сосед по гаражу – тот всю первую половину дня провел за ремонтом своей «Волги ГАЗ-21».

– Источник надежный, – немного смущаясь, поведал Москвин. – Крановщиком работает... ну, пивной кран в ларьке открывает.

Как увидел наши документы – весь скукожился. Узнал, что мы не по его душу, просто голова у человека с плеч свалилась... тьфу! Гора. Зачем ему врать? За машиной он следит – не машина, а кукла. Мог бы новую купить, но эта нравится. Никитин открыл гараж – время примерно совпадает с тем, что называли старушки. Вывел «Москвич» и куда-то уехал. Отчитываться перед соседом не стал. Вернулся в половине первого или чуть раньше, «крановщик» еще чистил свою красотку. Не казался ни радостным, ни расстроенным. Постояли пару минут, покурили. Кстати, сосед не знает, что он работал в КГБ, а когда узнал, сразу заспешил домой – видимо, сухари сушить. В общем, время отбытия и прибытия фигуранта мы узнали. Вернулся довольно быстро – значит, уехал недалеко. По словам соседа, парень мрачноватый, нелюдимый, несколько раз предлагал ему выпить, но тот ссылался на занятость.

Удача сопутствовала оперативникам. Резонно допустить, что за эти два часа агент получил инструкции. По словам соседа, Никитин проигнорировал выезд на улицу, повел машину задворками, вдоль больничной ограды, а там единственный выезд – на узкую Коммунарскую улицу, ведущую на север.

По ней и отправились сотрудники, попутно связавшись с районной ГАИ. Вишневский предположил: Никитин отправился туда, куда сложно добраться общественным транспортом. Ярим автолюбителем, по словам соседа, он не был – машиной пользовался редко, предпочитая метро и автобус.

Сыщики изучили карту столицы, которую имели при себе. Улица Коммунарская, на которой практически не было перекрестков, переходила в улицу Амундсена, где находился стационарный пост ГАИ. До выезда из города совсем недалеко. Общественный транспорт по улице курсировал, но всего один маршрут, и тот появлялся редко.

Снова повезло: инспектор останавливал тот самый «Москвич»! Никитин послушно прижался к бордюру. Причина остановки банальная: сломанный колпак фары. Инспектор запомнил

автолюбителя. Сперва показалось, что тот испугался. Выслушал претензии, показал удостоверение сотрудника КГБ, и все вопросы снялись. Водитель спросил, как проехать до ближайшей заправки, инспектор объяснил.

Заправка там одна – на выезде с улицы Комбинатской. И на заправке вспомнили Никитина – он нервничал, поглядывал на часы. Залил в машину смешные четыре литра, спросил, где улица Просторная, и отправился дальше.

На улице Просторной находился турбинный завод, закрытый в выходные, несколько кварталов двухэтажных строений барачного типа, а дальше – выезд из города.

За пределы кольцевой Никитин не выезжал – не хватило бы ни времени, ни бензина.

На улице Просторной имелись два продовольственных магазина, один винно-водочный, «Промтовары» и занюханная пельменная для местного гегемона. Заведение никогда не пустовало, поскольку к основному блюду подавалось пиво.

– Мы зашли, товарищ майор, – отчитывался Вадим. – Страшно, конечно, контингент тот еще, но и мы не литературоведы. Время неурочное, посетителей немного. Девчонка там работает разбитная – Эллочкой зовут. Как улыбнется – сущая Эллочка-Людоедочка. На любителя, в общем. Мы сначала заходить не хотели, кто же знал... В общем, поговорили с Эллочкой в кулуарах, показали фото. Она испугалась, давай в отказ. Но мы не только корками работаем – Гриша обаяние включил, мне на дверь показал. Когда я вернулся, наша «людоедочка» так мило щебетала, на шею Григорию вешалась...

– Не преувеличивай, – смутился Вишневский. – Как там у Дюма? «Все, что сделано подателем сего, сделано по моему приказу и на благо государства». В общем, исключительно для пользы дела. – Григорий смущенно кашлянул. – Самое смешное, что Никитин третьего дня сюда заезжал, и Эллочка его запомнила! Именно здесь происходила встреча. Зал был неполон, первая половина дня,

рабочий класс еще просыпался. Почему его запомнила? Сама не понимает. Было в нем что-то не то. Во всех нас что-то не то, если смотреть глазами обычного советского человека, – вздохнул Григорий, и можно было не уточнять, что он имеет в виду. – Натужно улыбнулся Эллочке, сел в углу, заказал пельмени. От выпивки отказался, потому что был за рулем, но она-то этого не знала, поэтому гражданин запомнился. Первое время он сидел один, гонял пельмени по тарелке... кстати, вполне съедобные, просто аппетита не было. Потом пришел еще один товарищ, сел напротив, заказал кружку пива и порцию пельменей. Поздоровались сухо, проговорили несколько минут на пониженных тонах. Второй товарищ выпил полкружки, съел несколько пельменей, причем с такой миной, словно ему цианистый калий в чистом виде подали. Эллочке аж обидно стало. Но девушка тактичная, кричать не стала. Посетитель ушел, бросив еду и питье, все это добил какой-то алкаш. Никитин посидел немного, доел пельмени и тоже убрался...

– Приметы?

– Я еще не закончил, товарищ майор. Сравнительно высокий, без жира, волосы волнистые, но коротко стриженные – если это не парик. Носит очки – если не камуфляж, а также усики – если не приклеенные.

– Показать фотографии офицеров 3-го управления ты, конечно же, не догадался.

– Обижаете, товарищ майор, – Вишневский надулся, – догадался. Эллочка пришла в замешательство, определенно ни на кого не показала. На фото все безусые и без очков. А усы и очки сильно меняют внешность, к тому же она не всматривалась в лицо посетителя. Но одевался он не по-рабоче-крестьянски, в общем, не из тех, что ходят в пельменные. Как минимум трое из списка проходят по росту: Сыроватов, Поляков и Гальченко. Более точной информации нет. На вопрос, видела ли она их раньше, Эллочка пожала плечами – в ее смену точно нет.

– Свидание хоть назначил? – подмигнул Москвин.

Григорий в страхе замотал головой:

– Нет уж, не мое... Но ситечко для чая я бы ей подарил.

– Какое ситечко? – не понял Вадим.

– Забудь, иди классиков учи, – отмахнулся Вишневский. – И это весь улов, Михаил Андреевич. Лучше, чем ничего. Уговаривал Эллочку мысленно приклеить к лицам на фото очки и усы, но она ни в какую. У девушки отсутствуют пространственное и любое другое воображение. Но если ей покажут этого человека вживую, она его узнает. Наверное.

– А как ей показать этих товарищей вживую? – озадачился Москвин. – Параллельные миры не пересекаются.

– Пока никак, – усмехнулся Михаил. – Но уже хоть что-то. Молодцы, товарищи.

Список работников американского посольства, предположительно имеющих отношение к операции «Ариадна», состоял из двух человек. Сmejники явно пожадничали, хотя и считали, что оторвали от сердца. Первого звали Рон Паттерсон, советник посольства и работник конторы Уильяма Кейси под прикрытием дипслужбы. Второй откликнулся на имя Филипп Горвиц, работал помощником атташе по вопросам культурного обмена, отметился в Афганистане, в Ливане, а также, будучи молодым, в Чехословакии и Вьетнаме.

За парочкой установили наблюдение, хотя не сказать, что раньше они бегали без надзора. Полковник Рылеев выделил в помощь Кольцову еще двоих – капитанов Вебера и Кучина.

Пару дней ничего интересного не происходило. Фигуранты посещали московские магазины (особенно любили ГУМ – за интерьеры, а не за то, что в нем продавали), гуляли по городу в нерабочее время, посещали парк Горького и Царицынский дворцово-парковый комплекс, переживающий очередную волну реконструкции. «Топтуны» не отставали. Работали грамотно: фигуранты несколько раз проверялись, но ничего криминального не совершали.

На третий день Паттерсон, одетый явно не на бал – в водонепроницаемую куртку, щегольские сапожки, с рюкзачком за спиной, – покинул посольство и поймал такси на ближайшем перекрестке. Машина его не ждала – двигалась по средней полосе. Швец и Кучин следили за ней на гражданской «копейке». Такси не останавливалось, выехало из города.

Паттерсон вышел у поселка Новый, где мелкая речушка Червянка впадала в Истру, отправился к берегу. Он оказался заядлым рыболовом! Истра, конечно, не горная речка на севере США, форель голый крючок не хватает, но тоже неплохо. Он нашел безлюдный залив, вытряс содержимое рюкзака, нарезал ветки для закидушек. Берег не пустовал, но рыбаков было немного. Местечко живописное, погода идеальная.

Швец и Кучин разместились в ста метрах от объекта, благо в багажнике у Кучина нашлись и штормовки, и какие-то снасти. Пришлось копать червей, тоже ставить закидушки.

Швец регулярно выходил на связь, ругался.

– Не психуй, – успокаивал его Кольцов. – Считай, что вы устроили себе выходной посреди рабочей недели.

Паттерсон действительно удил рыбу! Ни с кем не встречался, даже не разговаривал. Он наслаждался тишиной и покоем. Сидел на пригорке, жевал что-то хрустящее, тянул пиво из банки, которое привез с собой. Если звонил колокольчик, срывался с места, вытягивал снасть. За несколько часов он натаскал десятка два плотвы и окуней. Если долго не клевало, не расстраивался – лежал на пригорке, закинув руки за голову, мечтательно смотрел в небо. Временами осматривался, даже вышел на обрыв, но ничего опасного не засек.

– Товарищ майор, это ловушка, – жаловался Швец. – Паттерсон просто отдыхает, не совершает ничего противоправного. А у нас не получается отдыхать, мы так не умеем.

На другом конце Москвы, на улице Кировоградской, в Чертаново, происходили более занятные события. Капитан Вебер докладывал:

какая-то дыра, скверик между домами, подстанция, бойлерная. Неподалеку – лавочки, клумбы, детская площадка. В этом захолустье Филипп Горвиц устанавливает «шпионский камень»!

Кольцов не поверил своим ушам. Вебер уверил: минутой ранее он не поверил своим глазам. Но факт имел место: американец присел на лавочку рядом с небольшой альпийской горкой, убедился, что рядом никого нет, достал из сумки «камень» и пристроил его на горке. Повертел, чтобы хорошо лег, оценил проделанную работу и ушел.

Подобные устройства были не редкостью, хотя и доставляли «пользователям» ряд неудобств. Иногда в них вставляли электронную начинку – эти камни помещали вблизи военных баз, секретных объектов. С последними в Чертаново было напряженно. Видимо, обыкновенный тайник для обмена посланиями.

Вебер тут же его проверил, предварительно перепоручив Горвица агенту-дублеру, сидящему в машине в соседнем квартале. Получив разрешение от Кольцова, пристроился на лавочке, сделал вид, что завязывает шнурок, а сам осмотрел и ощупал «камень». Предмет отличался цветом – для облегчения поиска. Легче настоящего, из пористой резины, полый внутри. Для открытия использовалась выемка. Механизм сработал. Внутри была полость – пока пустая. Механизм оказался с хитростью – незачем раскрывать камень, чтобы вынуть послание или поместить новое, достаточно воспользоваться потайной клавишей – и свернутый лист просто выпадал. Технический прогресс двигался семимильными шагами. Вебер вернул все, как было, перебрался подальше. Филипп Горвиц тем временем вернулся в посольство, подмигнул морпеху, стерегущему вход, и растворился в здании. Как хочешь, так и понимай.

Дальше было смешно. Получив приказ ждать, Вебер достал из кармана компактный журнал «Искатель» и погрузился в чтение. За полчаса на лавочке отметилась влюбленная парочка – интереса к камню не проявляла. Посидел пенсионер с газетой – тоже ноль

внимания. Потом, как саранча, налетели пацаны – класс пятый-шестой, колотили друг дружку, ржали, как жеребята. Один вскочил на горку, издав индейский клич. Возмутилась жительница ближайшего дома, стала кричать из окна. Шкет спрыгнул с горки, споткнулся. «Шпионский камень» выстрелил у него из-под ноги. Он с изумлением уставился на него, попробовал носком. Затем поднял, повертел. И, видно, решил не отвлекаться – подбросил и пнул как футбольный мяч. Камень улетел в кустарник, где валялся мусор, там еще куда-то отскочил. Мальчишка засмеялся, спрыгнул с горки и побежал за своими дружками.

Вебер с тоской проводил его глазами, полез в кусты. Местные жители странно смотрели ему вслед. Камень не нашелся – видимо, скатился с горки и затерялся в мусоре. Вебер вышел на связь, описал ситуацию.

– От меня-то ты что хочешь, капитан? – задыхался от смеха Кольцов. – Не уследил – ищи. И будь снисходителен к нашим пионерам, они любому шпиону нос утрут.

Поиски успехом не увенчались. И как относиться к этому, никто не знал. Вебер ворчал: детей убивать нельзя, но что-то же надо с ними делать! Руководство, поставленное в известность, схватилось за головы: найти и положить на место! Пропавший «камешек» в итоге нашли – закатился под мятый лист жести, пристроили на горку, взяли участок под наблюдение. Оперативники ворчали: эти американусы вообще тупые?

Ждали у моря погоды – никто не объявился. Впоследствии выяснили: этот «камень» не имел отношения к операции «Ариадна». Филипп Горвиц вел свои проекты. Наблюдение за «камнем» перехватили контрразведчики из 2-го Главного управления.

Начинало темнеть, когда на связь вышел взволнованный Швец:

– Представляете, товарищ майор, этот Паттерсон тот еще жук! Усыплял бдительность в течение всего дня и думал, что усыпил! Рыбы наловил полный садок. Все, что поймал, отдал соседу и пошел на дорогу. Мы за ним. Тоже с уловом, Кучин упорно отказывался

выбрасывать, говорит, жене отдаст, пусть жарит. В общем, Паттерсон со своим рюкзаком поймал частника, покатил в Москву. Очкарик какой-то – как у Высоцкого: «очкастый частный собственник»... Мы пропустили пару машин, и за ним. Он даже петлять не стал – до того был уверен, что нет «хвоста». Расплатился с частником в районе Сельскохозяйственной улицы, дальше пешком пошел. Представьте, где посольство и где Сельскохозяйственная улица? В общем, сейчас он сидит в сквере недалеко от Главного ботанического сада, смотрит, как безумная старушка кормит голубей. А Кучин из-за дерева ведет фотосъемку – у него объектив с хорошим увеличением... Вы бы видели, какая умиротворенная физиономия у этого Паттерсона. Только бы не пустышка... Ан, нет, их уже двое – подошел представительный товарищ, сел рядом, вроде говорят... Тезка, не жалея пленку... – шипел Швец. – Продолжают разговор, товарищ майор. Этот тип, кстати, высокий, носит очки и усы. – Сотрудник аж задыхался от волнения: – Товарищ майор, этот субъект что-то передает Паттерсону – маленький сверток в оберточной бумаге. Попался, который кусался...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

**Валерий
ШАРАПОВ**

**СЕКРЕТНАЯ
ЧАСТЬ**

ЭТИ ТАЙНЫ СТОЯТ ТОГО, ЧТОБЫ ЗА НИХ УМИРАЛИ

